

Д.А. ШМЕЛЕВ

*Санкт-Петербургский государственный университет
Магистрант института философии*

УДК 130.2

**«ОБЩЕСТВО ИСТРЕБЛЕНИЯ БОГАТСТВ» В
ТВОРЧЕСТВЕ ЖОРЖА БАТАЯ**

Данная статья посвящена рассмотрению принадлежащей Жоржу Батаю интерпретации племен Северо-западной Америки (индейцы), древней Мексики (ацтеки) и подобных им архаических культур в качестве примеров «общества истребления богатств». Рассуждение отталкивается от анализа такой основной бинарной оппозиции в философии французского писателя, как профанный «порядок вещей» и сакральный «сокровенный порядок», переходя впоследствии к толкованию жертвоприношения и потлача как бесполезных «непроизводительных трат». Особое внимание уделяется второй ритуальной практике, в которой, согласно Батаю, наиболее отчетливо проявляется тот факт, что богатство в архаическом обществе понимается в связи с расточительством, а не с накоплением и преумножением благ, что уже свойственно капитализму. Автор, основываясь на первоисточниках, а также отечественной и зарубежной интерпретаторской литературе, связывает бесполезную растрату излишков производства в «обществе истребления богатств» с интерпретацией Батаем славы как уподобления безсмертия солнца и его идеей, что конечной целью любого потока энергии является аннигиляция. В финале же работы производится сравнение капитализма с «обществом истребления богатств».

Статья представляет интерес для читателей, интересующихся французской философией двадцатого века, архаическими культурами и социальной антропологией.

Ключевые слова: Батай, принцип полезности, сокровенный порядок, жертвоприношение, потлач, непроизводительная тата, Мосс, богатство, солнце, архаическая культура.

D.A. SHMELEV

*Saint-Petersburg State University
Master Student, Unstitute of philosophy*

«SOCIETY OF THE EXTERMINATION OF WEALTH» IN THE WORKS OF GEORGES BATAILLE

This article examines Georges Bataille's interpretation of the tribes of northwestern America (Indians), ancient Mexico (Aztecs), and similar archaic cultures as examples of a «society of the extermination of wealth». The reasoning is based on the analysis of such a basic binary opposition in the philosophy of the French writer as the profane «order of things» and the sacred «intimate order», moving later to the interpretation of sacrifice and potlatch as useless «unproductive waste». Special attention is paid to the second ritual practice, which, according to Bataille, most clearly shows the fact that wealth in archaic society is understood in connection with waste, and not with the accumulation and multiplication of goods, which is already characteristic of capitalism. The author, based on primary sources, as well as domestic and foreign interpretive literature, connects the useless waste of surplus production in the «society of the extermination of wealth» with Bataille's interpretation of glory as likening the immensity of the sun and his idea that the ultimate goal of any flow of energy is annihilation. In the finale of the work, a comparison is made between capitalism and the «society of the extermination of wealth».

The article is of interest to readers interested in twentieth-century French philosophy, archaic cultures, social anthropology.

Keywords: Bataille, the principle of utility, intimate order, sacrifice, potlatch, unproductive waste, Moss, wealth, sun, archaic culture.

«Именно наши западные общества, причем очень недавно, сделали из человека “экономическое животное”... Очень долго человек был иным, и лишь совсем с недавних пор он начинает становиться машиной, к которой прибавилась счетная машина» [5; С. 277] - писал в заключении «Очерка о даре» Марсель Мосс. Жоржу Батаю, для которого данный французский антрополог выступал в качестве одного из интеллектуальных авторитетов, крайне близка подобная позиция. Он, как и Мосс, работами которого во многом инспирирована его теоретическая деятельность, уверен, что человек прошлого¹, с которым работает этнография, гораздо более целостен, радостен, сложен и непосредственен, чем современный *homo economicus*. Однако Батая все же не стоит понимать как некого наивного руссоиста, неоромантика или анархо-примитивиста. Архаический человек «философ-вне-себя»² мало имеет общего с «благородным дикарем», он будет не на

¹ Подразумеваются и те племена, которые так и не перешли к тому, что носители колониального мышления называют «цивилизованным состоянием» сугубо на западный манер.

² Имеется ввиду отечественное исследование Фокин С.Л. *Философ-вне-себя. Жорж Батай*. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002. — 320 с.

своем месте на пасторальной картине, поскольку его реальность – это мир полный ярости, но даже дичайшая жестокость в нем, имеющая под собой и сакральное основание, несравненно витальнее, чем относительное спокойствие благоразумного капиталистического общества. Бедность последнего Батай нещадно критикует, многократно отсылая к утерянной и неоценимой полноте архаических культур, специфика которых, радикально отличная от современности, и будет рассмотрена в контексте взглядов французского мыслителя.

Для Батая существенно различие между «порядком вещей» и «сокровенным порядком». В первом действует этика утилитаризма, не оставляющая в стороне ни одну из сфер жизни. Все в ней рассматривается исключительно с точки зрения полезности, ничто не обладает самоценностью, имея цель не в себе, а в чем-то другом, служа каким-либо внешним инстанциям. В данном измерении настоящее оказывается репрессировано, будущее же в виде вовлеченности деятельности в сеть долгосрочных операций, предполагающих успешные результаты в грядущем, надеяется привилегированным статусом. Потому и ресурсы тут подлежат не мгновенной растрате, а сохранению и последующему преумножению. Индивид, находясь в этом мире в момент труда, сводится к положению вещи, являясь лишь одним из инструментов (положение раба), обслуживающих перманентный процесс производства. Таким образом, большая часть времени человеческой жизни, протекающая в профанной реальности «порядка вещей», посвящена служению *принципу полезности*, следуя которому индивид все воспринимает через призму утилитарности. Любой субъект или объект рассматривается лишь с точки зрения возведенной в абсолют функциональности (допустим, лес существует для того, чтобы в нем обитали животные, животные же нужны для того, чтобы стать дичью для охотников, т.е. едой, которую поглощают для того, чтобы утолить голод тех, кто охотится на животных... – порочный круг, поскольку при данном положении дел индивид с помощью труда обеспечивает условия собственного существования, но существует он по большому счету лишь для того, чтобы снова трудиться). Такой поиск за каждым явлением пользы помещает все в мире в громоздкую цепь производства, бесконечную систему отсылок, в которой одна цель всегда адресует к другой. Внутри нее даже траты обретают модус производительности – индивиды не просто впустую расходуют ресурсы, а как бы всегда загадывают наперед как актуальная траты в грядущем может обернуться новой выгодой (скажем, подарить человеку вещь не из симпатии к нему, а для того, чтобы обязать его вскоре оказать какую-либо ответную услугу). Так, принцип полезности, опять же, отменяет и сам порядок времени, т.к. он отвергает настоящее в пользу еще

не существующего будущего, преобразуя все человеческие действия в операции, находящиеся в горизонте собственных результатов (план проекта).

«Сокровенный порядок» же – это возвращение человека в стихию имманентной жизни, полноценно и постоянно существовать в которой может лишь животное. Это бесцельное и самоценное бытие вне индивидуации, не знающее себе какой-либо меры, упивающееся моментом, отказываясь от модусов прошлого и будущего. Оно не предполагает разделения на субъект и объект, утверждая состояние единства и неразличимости¹. Энергия здесь не кумулируется, а, напротив, растрачивается [2; С. 68 - 72]. Иными словами, как отмечает отечественный исследователь Батая Алексей Игоревич Зыгмонт, данный порядок подразумевает «нарушение или полное уничтожение границ индивида в пользу непосредственного бытия в мире, возврата к “животному состоянию”» [4; С. 22].

Врата сокровенной жизни в силу некой блаженной наивности еще периодически раскрываются для представителей архаических культур. Происходит это в ситуации празднства, отменяющей нормативность профанного мира. Своей наивысшей, взрывной точки, возвращающей к сокровенности, она достигает в практике *жертвоприношения*. Цель такой предельной формы отправления религиозного культа, по Батаю, состоит в изъятии жертвы из мира полезной деятельности посредством ее подчеркнуто бесполезного истребления, созерцаемого членами общины не обособленно, а в состоянии общей сопричастности.

Жертвоприношение не имеет никакого отношения к «порядку веющей», поскольку, во-первых, оно *непроизводительно*, т.к. вырывает жертву из перспективы функциональности, потому что то, что подлежит закланию (растение, животное, человек), все еще можно было бы как-либо в грядущем выгодно использовать [2; С. 141]. Жертвоприношение же отсекает такую возможность, бесполезно истребляя жертву, абсолютно непроизводительно растрачивая ресурс (богатство). Тем самым оно делает «терпимой – живой – жизнь, которую наша скардность все время сводит к смерти» [3; С. 200]. Во-вторых, жертвоприношение *суверенно*, что означает то, что оно ценно само по себе, не служа чему-либо внешнему. В данном ритуальном действии жертва разрушается именно как вещь, причем не только животное или растение освобождается от подобного рабского статуса, но и человек, поскольку в труде он неизбежно представляет собой лишь один из множества инструментов, мельчайший винтик в огромном механизме про-

¹ Вполне справедливо можно провести параллель между «сокровенным порядком» Батая и «дионасийским началом» у Ницше.

изводства. В жертвоприношении же он перестает пониматься функционально, лишаясь рабского и дегуманизирующего положения вещи в качестве одного из орудий производства через причащение к незнающей утилитарности сфере сакрального, прославляющей его. Кроме того, суверенность предполагает и особые отношения со временем - жертвоприношение ориентировано исключительно на настоящее. Оно распоряжается лишь мгновением, наслаждаясь мимолетным моментом и не теряя откладывания на потом (результатов в плане проекта) [4]. Так, в жертвоприношении «сокровенный порядок» на миг вытесняет из жизни сообщества «порядок вещей», отрицая инструментальный характер того, что подлежит закланию. Смерть дает имманентной витальной стихии проявиться во всем ее первозданном могуществе, через растрату существа демонстрируя «незримый блеск той жизни, которая не есть вещь» [2; С. 70].

Однако особое внимание стоит уделить даже не столько жертвоприношению, сколько *потлачу*, которому французский философ посвятил, конечно, меньше страниц, чем закланию, но то, что, что было им написано на данную тему, кажется, в большей степени проливает свет на «общество истребления богатств», обнажает его специфику. Помимо и так понятного обращения к «Проклятой части», рассмотрим и «Очерк о даре» Марселя Мосса, на теоретическом фундаменте которого Батай строит уже собственный анализ потлача.

Начнем вполне предсказуемо с определения. Потлач – это ритуальная практика обоюдного, и в то же время агонистического обмена благами, в ходе которого индивиды демонстративно растрачивают собственность либо в обязывающем другого акте дарения, либо в полнейшем уничтожении вещей. Данный церемониал распространен среди индейцев Северо-западной Америки, также он существует у племен Африки, Папуа, Малайзии, Полинезии, Меланезии, однако в той или иной степени такой вид обмена, вероятно, присутствует у большинства архаических культур.

Для Мосса принципиален агонистический характер потлача, предстающего как своего рода состязание в растрате богатств. Соперники, одновременно являющиеся компаниями, соревнуются в том, кто превзойдет друг друга в дарении, сделав наивысший подарок, на который впоследствии нужно будет ответить в еще большей степени. Потлач же настолько чрезмерен в своем мотовстве, что эти акты в собственном пределе доходят до буквального изничтожения вещей (разрушаются дома, лодки, умерщвляются собаки, рабы и т.д.). На кону в такой игре стоит честь, которая мгновенно утрачивается при отсутствии ответного дара, что лишает члена общины, например, права носить герб и тотем. К отказавшемуся отвечать на дарение индивиду все остальное сообщество испытывает презрение, поскольку он своим действием обнажил собственный страх ока-

заться уничтоженным посредством подобной растраты. Потому потлач — это поединок нескольких честолюбий.

Иными словами, путем дарения приобретается власть — чем больше растрата, тем выше авторитет, т.е. признание со стороны остальных индивидов в качестве лица, обладающего в общине огромным влиянием и наибольшими возможностями. С помощью даров, следя Моссу, «между вождями и вассалами, между вассалами и держателями устанавливается иерархия. Давать — значит демонстрировать свое превосходство, быть больше, выше, *magister*; получать, не возвращая или не возвращая больше, значит подчиниться, стать клиентом и слугой, стать меньше, упасть ниже, *minister*» [5; С. 274 — 275]. Так, в архаических культурах потлач напрямую связан с властными отношениями, устанавливаемыми через растрату богатств.

И в этом контексте Батай дает весьма ценные комментарии к теоретическим выкладкам Мосса, полностью опираясь на классика социальной антропологии и продолжая его исследования в философском ключе. Основатель «Ацефала» пишет о специфической диалектике потлача — обогащение (обретение власти) осуществляется сугубо через показное презрение к самому богатству. Т.е. превосходство в качестве завоеванной в подобном состязании доблести рассматривается как гораздо более ценное богатство в форме новообретенной власти, нежели простое обладание благами. Тут также важна социальность момента растраты — необходим взгляд Другого, поскольку полноценная власть приобретается не в одиночестве, а через признание в чужих глазах. Так, расточитель-суверен «богат тем, что демонстративно истребил то, что становится богатством лишь в момент своего истребления» [2; С. 149].

Потлач для Батая, впрочем, как и для Мосса, — одно из тех явлений, которые коренным образом отличают экономику архаических обществ от капиталистического способа производства. Такая состязательная практика обмена дарами не имеет ничего общего с извлечением прибыли, поскольку побеждает и впоследствии утверждает свое властное превосходство именно тот, кто ресурсы не приумножает, а, наоборот, растратывает. То же, что в капиталистическом обществе можно было бы назвать «прибылью», достается тому, кто получает дар обратно в большем размере (доход, превосходящий затраты), однако в обществе это расценивается не как успех, а как унижение, своеобразное банкротство. Иначе говоря, «дарение — это очевидная потеря, но эта потеря приносит явный выигрыш тому, кто теряет» [2; С. 150]. Так, положение в обществе достается исключительно наиболее чрезмерному расточителю, что говорит о единстве власти и способности

терять. Славу заслуживает здесь лишь тот, кто готов пойти на риск «ненумеренной траты энергии» и «выходит за пределы расчета» [2; С. 151].

Кроме того, анализируя данную агонистическую форму обмена, Батай утверждает, что потлач является подвидом жертвоприношения, поскольку обе эти ритуальные практики сближают вырывание полезного ресурса из цепи производства. Основанием потлача же, согласно Батаю, выступает архаическая индустрия роскоши, предметы которой (гербовые медные пластины, раковины, ограненные камни, украшенные узорами шкуры и т.д.), будучи знаками престижа, афункциональны. В обществах, где действует агонистический вид обмена, чтобы создать подобные вещи по понятным причинам требуется колоссальное количество труда, продукты которого сами по себе уже являются огромной демонстративной расстратой в контексте данных культур, в потлаче же они зачастую и вовсе уничтожаются.

В завершении анализа потлача в «Проклятой части» Батай пишет, что в капиталистическом обществе богатство понимается через свою полную противоположность (богат не тот, кто готов к бесполезной растрате ресурса, а тот кто, напротив, pragmatically преумножает его), а потому его истиной при таком способе производства будет нищета. Потлач современного запада «принадлежит нищим – тем, кто растянувшись на земле, презирает всех остальных». Настоящая роскошь дарована тому, кто исполнен отвращения к богатству, «отрицает труд и делает из своей жизни, с одной стороны, бесконечно разрушаемое великолепие, а с другой стороны, молчаливый вызов всей трудолюбивой лжи богатых» [2; С. 155].

Так, и жертвоприношение, и впоследствии относящийся к нему потлач являются для Батая теми исходными пунктами, отталкиваясь от которых он рассматривает племена Северо-западной Америки (индейцы), древней Мексики (ацтеки) и подобные им архаические культуры как примеры «общества истребления богатств». При подобной организации излишки производства не накапливаются в целях последующего развития, а растратываются, подлежат «непроизводительной трате», возвращающей в «золотой век» (сокровенность). Как пишет Батай, «труд людей создает богатство, а богач накапливает его; все общество тратит его разом, к вящей славе, ради единственной потребности – потребности в экспессе» [2; С. 251]. Избыток требует мотовства в форме жестоких войн, принесения жертв, постройки храмов, приношения даров, вышивки нарядов для жрецов, роскошных пиров, проигрыша в игре. Торговля в духе предпринимательства порицалась, дар же всячески превозносился. Так, подобная архаическая экономика «была целиком поставлена на службу славе» [2; С. 247], рождающейся исключительно в потерях, осуществляемых тем, кто сам

всегда способен к растрате, что и воздает ему хвалу, даря подлинное богатство.

И сугубо антропогенное желание славы, интерпретированной таким образом, Батай понимает скорее натурфилософски как «стремление жить как солнце, растрачивая свои блага и свою жизнь» [2; С. 244 - 245]. Т.е. при «непроизводительной трате» (богатства, жизни), а конкретно при «экономике бесполезной славы», человек и социум в целом уподобляются безмерности *солнца*, щедро и бесцельно излучающему из себя энергию вовне, питающую все земные природные процессы, не требуя ничего взамен. Люди, являющиеся «в конечном счете ничем иным, как следствием солнца» [8; С. 10], мечтают о его величии, но достигают подобия с ним только через растрату, либо пылая на пределе, предвосхищая собственную гибель, либо непосредственно сгорая в истине смерти.

Так, в видении автора «Внутреннего опыта» главным свойством вселенной самой по себе является энергенност, участь же абсолютно каждого потока энергии – тотальная растрата (разрушение), однако данное движение совершенно естественно, поскольку энергия постоянно пребывает не в дефиците, а, напротив, в профиците, т.е. первоначальна ситуация не нехватки ресурса, а его изобилия, поэтому первичная цель жизни¹ – это не производство, а потребление или, что то же самое, истребление богатства (избыток энергии, наиболее ярко представленный в беспрерывном излучении солнечной радиации). «Непроизводительные траты» же в рамках архетипических культур (прежде всего, войны и жертвоприношения у ацтеков и потлач у индейцев), как пишет английский последователь Батая Ник Ланд, «возвращают энергию на ее солнечную траекторию, высвобождая в ней движение рассеивания, которое земная система, достигшая пика в ограниченных экономиках человечества, моментально останавливает» [7; С. 38]. Тем самым члены подобных солнечных сообществ через акты бесполезного истребления богатств, аннигилируя ресурсы, бессознательно, но с энтузиазмом артикулируют конечную истину всего живого, т.е. растрату энергии или разрушение.

Необходимо также уточнить, что человек «общества истребления богатств», разумеется, присутствует в беспредельном царстве сокровенной жизни лишь периодически, поскольку непрестанно обитает на данной территории, опять же, только животное. Доступ в эти пространства простым смертным открывается исключительно во время праздника. Праздник же –

¹ Имеется ввиду не смысл человеческой экзистенции, а жизнь вообще.

это, с одной стороны, опасное влечение к разрушению, но, с другой, сдерживание взрыва беспредельной, утверждающей жизнь растраты в консервативном благоразумии. Иными словами, воедино слиться с разгулом сознанию не удается, а потому оно, подчиняясь, возвращается к порядку вещей. Т.е. праздник, отрицая профанный мир, тем не менее, никак радикально не посягает на сами его основания. Потому он, будучи компромиссом, представляет собой не «настоящий возврат к имманентности, а дружественное (и полное тревоги) примирение двух несовместимых необходимостей» [2; С. 75]. Так, в «обществе истребления богатств» «порядок вещей» и «сокровенный порядок» гармонично сосуществуют, человек же прибывает в состоянии равновесия между двумя этими полюсами, порою трудясь, производя излишек, а порою жертвуя, его растрачивая. Кроме того, в рассмотренной «экономике бесполезной славы» также существенно, что производство при ней не центрально и самоценно, а вторично и подчинено «непроизводительным тратам» в целях возвращения человека в стихию сокровенной жизни, уподобления его солнцу. И для Батая именно такая экономика в экзистенциальном, социальном и политическом смысле является наилучшей, поскольку она избегает предпринимательских химер капитализма, абсолютизирующих производство. Согласно же Нику Ланду, при «солнечной перспективе» как раз таки производство предстает как иллюзия, «гипостазирование отклонения в поглощении». Производить значит частично управлять истечением энергии на пути к её растрате, и ничего больше» [7; С. 12]. Иными словами, накопление в качестве самоцели предельно неестественно, поскольку при помещении его в целокупный контекст природы (судьба энергии), становится совершенно ясно, что нет ничего в мире, что избегало бы разрушения, потому скаредная консервация богатств заместо их траты бессмысленна, т.к. все равно рано или поздно настанет неминуемый момент аннигиляции.

Представляется разумным закончить эту работу небольшим противопоставлением «общества истребления богатств» «предпринимательскому обществу» или капитализму. В последнем происходит полнейший разлад между «порядком вещей» и «сокровенным порядком». Первый встает во главу угла в буржуазном мире и полностью десакрализирует второй, поэтому излишек первостепенно уходит не на славные «непроизводительные траты», смещающиеся на периферию существования и приобретающие сугубо частный характер, а на накопление и последующее развитие производства. Т.е. теперь целью экономики является рост (производство ради самого производства), что Батаем воспринимается в качестве огромнейшей исторической несущности, поскольку сам рост – это лишь промежуточное состояние, одна из фаз, которая конечна, потому её не должно гипостазировать. По схожей причине абсурден и принцип полезности, по-

скольку он рано или поздно неизбежно замыкается на самом себе не в силах указать на какой-либо финальный результат, имеющий цель не в чем-то внешнем. Человек же промышленного общества – это человек утраченной сокровенности, расколотый социально (индивидуализм), темпорально (модус будущего вытесняет настояще), и редуцированный до состояния вещи. Он предельно отчужден от собственной сущности, вернуться же к себе, согласно Батаю, означает существовать суверенно по ту сторону принципа полезности. И наиболее полноценно такое было возможно в рамках архаических обществ, базирующихся на «солярной экономике», представлявшей собой настоящую альтернативу капиталистическому способу производства, основополагающими ценностями которой являлись не прибыль и накопление, а слава и растрата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батай Ж. Внутренний опыт. URL: <http://www.theguardian.com/uk-news/2014/dec/23/photograph-1926-shows-selfie-stick-older-than-meets-eye>. (data обращения 02.11.2020)
2. Батай Ж. Проклятая часть [: авторский сб.: «Теория религии», «Проклятая часть: Опыт общей экономики», «Границы полезного: Отрывки из неоконченного варианта „Проклятой части“», «Суверенность», «Эротика»] / Сост., предисл. С. Зенкин, комментарии Е. Гальцовой. — М.: Ладомир, 2006. — 742 с.
3. Батай Ж. Сумма атеологии: Философия и мистика. Пер. с фр. / Сост. С. Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2016. — 566 с.
4. Зыгмонт А. Святая негативность. Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая / Алексей Зыгмонт. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 320 с. ·
5. Месс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Месс; Сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана. — М.: КДУ, 2011. — 416 с.
6. Фокин С.Л. Философ-вне-себя. Жорж Батай. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002. — 320 с.
7. Land, N. The Thirst for Annihilation: Georges Bataille and Virulent Nihilism. L.; N.Y.: Routledge, 1992. — 181 pp.
8. Bataille G. L'économie à la mesure de l'univers. Œuvres complètes, Paris, Éditions Gallimard, 1970–1988, t. VII.

TRANSLIT

1. Bataj Zh. Vnutrennij opy't. URL: <http://www.theguardian.com/uk-news/2014/dec/23/photograph-1926-shows-selfie-stick-older-than-meets-eye>. (data obrashheniya 02.11.2020)
2. Bataj Zh. Proklyataya chast' [: avtorskij sb.: «Teoriya religii», «Proklyataya chast': Opyt obshhej e'konomiki», «Granicy poleznogo: Otry'vki iz neokonchennogo varianta „Proklyatoj chasti“, «Suverennost'», «E'rotika»] / Sost., predisl. S. Zenkin, kommentarii E. Gal'czovoj. — M.: Ladomir, 2006. — 742 P.

-
3. Bataj Zh. *Summa ateologii: Filosofiya i mistika*. Per. s fr. / Sost. S. N. Zenkin. — M.: Lademir, 2016. — 566 P.
 4. Zy'gmont A. *Svyataya negativnost'*. Nasilie i sakral'noe v filosofii Zhorzha Bataya / Aleksej Zy'gmont. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. — 320 P.
 5. Moss M. *Obshhestva. Obmen. Lichnost'*. Trudy' po social'noj antropologii / M. Moss; Sost., per. s фр., predislovie, vstupit, stat'ya, kommentarii A. B. Gofmana. — M. : KDU, 2011. — 416 P.
 6. Fokin S.L. *Filosof-vne-sebya*. Zhorzh Bataj. SPb.: Izd-vo Olega Aby'shko, 2002. — 320 P.
 7. Land. N. *The Thirst for Annihilation: Georges Bataille and Virulent Nihilism*. L.; N.Y.: Routledge, 1992. — 181 pp.
 8. Bataille G. *L'économie à la mesure de l'univers*. Œuvres complètes, Paris, Éditions Galimard, 1970–1988, t. VII.